

Оксана Шевченко

Дневник поэтессы

Стихи и рассказы

Москва, 2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
Ш 37

Шевченко, Оксана

Дневник поэтессы : стихотворения, рассказы /
О. Шевченко. – Москва ; Ярославль : Филигрань,
2021. – 116 с. – ISBN 978-5-6046656-4-0

Книга Оксаны Шевченко «Дневник поэтессы» состоит из двух частей: стихотворной («По закону счастья») и прозаической («Мои любимые»), в ней собраны произведения периода с 2017 по 2021 гг.

Портрет Оксаны Шевченко –
художник Иван Чуркин,
верстка и дизайн – Александр Иванов.

УДК821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-6046656-4-0

© Шевченко О., 2021
© Чуркин И., рис., 2021

«ГОВОРИТЬ ЛЕГКО О СОКРОВЕННОМ...»

О новой книге Оксаны Шевченко

Часто, рассуждая о состоянии современной поэзии и о её перспективах, мне приходится высказывать одну мысль – возможно, не бесспорную, но на мой взгляд, в какой-то степени выражающую суть проблемы. Русская поэзия за три века своего интенсивного развития совершила колоссальный прорыв, поставив себя в ряд лидеров мирового искусства изящной словесности, а в отдельных случаях – возвысив себя на поистине недостижимую высоту. В одном только XX веке в русской поэзии было столько великого, выдающегося и просто хорошего, что сегодня, в начале века XXI, для того, чтобы проявить себя и занять достойное место, поэту нужно не просто обладать талантом, но ещё и иметь исключительно тонкую, умную и глубоко чувствующую душу, а также способность рассмотреть мир с собственной, уникальной точки зрения и заставить читателя увидеть действительность глазами своего лирического героя. Многие современные стихотворцы идут по испытанному и общедоступному пути «эксперимента», сугубой социальности и прямого эпатажа, такой недорогой ценой покупая себе ускользающее мгновение славы. Но всегда есть и поэты,

которые, будучи принципиально отрешёнными от суетной тенденциозности, относятся к творчеству как к высокому служению, внимательно и тревожно всматриваясь в мир, с надеждой уловить в нём что-то очень важное и спасительное, перед лицом наползающего безумия нынешней смутной эпохи. По творчеству именно таких поэтов потомки будут судить о духовной зрелости нашего времени, о самосознании человека – нашего современника. Тем более интересно сегодня наблюдать за творческой эволюцией такого поэта.

Главная суть поэзии Оксаны Шевченко, на мой взгляд, очень точно выражена в строке из её стихотворения, вынесенной в заголовок этого предисловия. Её поэтическая речь необыкновенно легка, и в этом несложно убедиться, открыв книгу «Дневник поэтессы» произвольно, на любой странице её стихотворной части. Органично воспрियाвшая русскую поэтическую традицию, Оксана стремится к тому, чтобы её стих звучал свободно, как живой разговор, и в то же время красиво, благозвучно, возвышая жизнь до высоты истинной поэзии, наполняя события и чувства глубоким эмоциональным и духовным содержанием, делаясь своим сокровенным с читателем-собеседником. В совершенстве владея искусством стихосложения, она не уклоняется от некоторых стилевых вольностей, оживляющих устоявшиеся формы и наполняющих эти формы живым дыха-

нием современности. В лучших качествах поэзии Оксаны Шевченко мне видится несомненное влияние её учителя и наставника – великого русского поэта XX века Юрия Поликарповича Кузнецова. Объединённые общим заголовком «По закону счастья», новые стихи поэтессы воспринимаются как прочувствованное и продуманное концептуальное единство.

В книге помимо стихов представлены и рассказы, составляющие цикл «Мои любимые». В коротких, в основном имеющих автобиографическую основу, историях Оксана Шевченко проявляет способность увидеть в потоке жизненных явлений что-то главное, и вывести это главное на высокий уровень художественного обобщения.

Новая книга Оксаны Шевченко представляет талантливого современного поэта на очередном этапе творческой эволюции. Я уверен в том, что отечественный читатель, истинный ценитель русской национальной поэзии, оценит и полюбит эту книгу. В нынешнюю эпоху, эпоху колебания онтологических основ мировой цивилизации и размывания традиционных ценностей, необходима именно такая литература – помнящая о своих истоках, раскрывающая смысл и значение своего века, при этом духовно устремлённая в будущее.

Вот то основное, что мне хотелось бы сказать в этом кратком предисловии – напутствии к читателю, держащему в руках эту книгу.

Завершая, я хочу привести цитату из стихотворения Оксаны Шевченко:

*Поэт, ты ищешь славы, а она
Тебя пока не знает и не ищет,
Но всё-таки настанут времена:
Читатель посетит твоё жилище...*

Пока эти времена не настали, мы не будем их торопить, а будем читать стихи и рассказы, будем сопереживать, сочувствовать, становиться лучше и чище – вопреки смутному времени и его порой жестоким нравам. Этим четверостишием я ограничу цитирование, поскольку всё есть в книге, которая, выйдя в свет, уже стала, на мой взгляд, значительным событием в современном отечественном литературном процессе.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ,

кандидат филологических наук,
секретарь Союза писателей России,
заслуженный работник культуры Российской Федерации,
заслуженный работник культуры Чеченской Республики,
заслуженный работник культуры Республики Дагестан.

По закону счастья

Стихи

ДАНИЛА-МАСТЕР

Почему ты замкнут и жесток,
Ни зиме не счастлив и ни лету?
Не выходит каменный цветок?
Не ложатся в руку самоцветы?

Так в ответ на ласку не грубят,
Так не прячут волосы льняные.
Золотые руки у тебя,
Только ледяные-ледяные!

Сколько чувств бывало штормовых,
Все забылось – и никто не нужен.
Ты же не идешь из головы
Со своим упрямством неуклюжим.

Нипочем мне Медная гора.
Только правду говорят в народе:
Кто другим не делает добра,
У того цветы и не выходят.

Всю ночь продолжается буря:
На ставнях играющий ветер,
Широкие волны к порогу,
Оборванные провода...
Ты ждал – вот и выдалось время
Довериться Господу Богу,
И в душу с размаху закинуть
Вопросов своих невода.
В них будет неведомо рыбы!
Прорвутся тяжёлые сети,
И лодка вместить не сумеет
Такого количества рыб.
Пусть нет электричества в доме –
Согреет Господь и осветит,
И в сердце уляжется буря,
А в море взбушует навзрыд.

Не чувствуй себя одиноким,
Послушай осенние звуки.
Душа накопила сокровищ,
И память богата вполне.
Открой-ка ларцы золотые,
Замри, ослепленный, любуясь,
Послушай, как ангел-хранитель
О Боге поет в тишине.

Теплое детство, все ярче твои
Вспышки в моем забытьи.
Там, где просторные, тихие дни,
Пар от весенней земли.
Если уедешь – потом никогда
Не возвратишься сюда.
Нам этот лучик, что тонко дрожит,
Больше не принадлежит.
Родина, мне ли тебя не узнать?
Память – озерная гладь.
Ну, погляди на меня поскорей,
Блудную дочь пожалей.
У человек и у Бога спрошу:
Цело ли то, чем с рожденья дышу?
Воздух березовый, сон наяву,
Родина, где я по-детски живу,
Где по тропе в перехлестьи травы
Я потихоньку брела...
Пусть человек отвечает: увы!
Бог отвечает: цела.

Когда животное страдает –
оно приходит к человеку,
И недостойно человеку
не проявить к нему любви.
А человек, страдая, ищет
у Бога помощь и опеку,
Несёт Ему свои болезни,
несёт несчастья свои.
Коту и псу понятна кротость –
она инстинкт преодолевает:
Им вдруг покажется, что Рая
у нас Господь не отнимал,
И человек даёт им имя,
не мучает, не помыкает,
Не трогал он плодов познания
и Бога он не предавал.

я устану думать о тебе,
это же когда-нибудь случится
чувства безответного жар-птица
улетит за тридевять небес
уходя за тридевять земель,
вырви из нагрудного кармана
эту незалеченную рану
выбей эту скошенную дверь
слышишь?
наступает Рождество –
я всегда надеялась на чудо
я тебя когда-нибудь забуду
по закону счастья своего

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА
Эмилия Бронте

Любовь это дикая роза,
А дружба – святой остролист.
Как первая сладкоголоса!
И как же второй неказист.
Однако, изменчивы розы:
Весною – и запах, и вид,
Но чуть красота под угрозой –
Ругается и истерит.
Ах, с кем зимовать – непонятно!
И что холода не крадут?
А девичьи руки гирлянду
Из падуба тихо плетут.
И дружба порой плодоносит
Любовью, достойной любви,
Взаимности скорой не просит –
Но эту гирлянду – прими.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Дженни Уйброу

Мой день рождения прошел –
Я, тихая, сижу.
Цветет подаренный букет –
и тень его цветет.
Всю ночь баюкая гостей, мерцают фонари,
А в голове моей шумит дневной водоворот.
Я вспомню каждую деталь, опять переживу
И музыку, и тесноту, и твой
смущенный взгляд.
Сама с собой наедине – во сне и наяву,
И вещи в комнате моей со мной поговорят.

ГОРОДУ ФРЯЗИНО

Листва на Аллее героев,
Над Барскими тихий закат.
Ты мудро и просто устроен –
Всегда принимаешь назад.
Огромного мира столицы
Шумят и шумят за спиной,
Мой город, мне что-то не спится,
Побудь ненадолго со мной.
И чувств лихорадку покоем
В которой уж раз исцели,
Зажги на Аллее героев
Мои маячки – фонари.

белую розу вдевая в петлицу
ты предвкушаешь веселую встречу
что мне мешает с тобой помириться
славный для этого выдался вечер
глупый зачинщик затянутой ссоры
ты безнаказан – и в этом проблема
всыплю пощечину после которой
вот уже можно встать на колено

Имя твое не оставлю в веках.
Вот тебе, милый, синица в руках –
Ключ от квартиры, жена и зарплата,
Справка из – якобы – военкомата.
Все как у всех. А стихи это блажь,
Если, особенно, строишь гараж.
Годы, как камушки, в озеро канут –
Что же ты, милый, так самообманут?

I

Памяти цветные витражи –
Вроде бы случайные узоры:
Знала бы, что буду дорожить
Нашим телефонным разговором...
Ты не думай плохо про меня,
Ты ведь и не думаешь, наверно...
Просто мне казалось, что нельзя
Говорить легко о сокровенном.

II

Памяти цветные витражи
Оживают в солнечной дремоте.
Как вы, мистер «любишь – докажи»?
Счастливы ли, весело живете?
Было лето, теплая гроза,
Каждый день сиял, как Божья милость.
Чем же это можно доказать?
В общем, у меня не получилось.

Ты пахнешь, как солнце в апреле,
Озоном и чем-то еще,
Раскачивай наши качели,
Молчи неизвестно о чем.
О, мыслей кипящая лава
И ревности легкий налет!
Моя местечковая слава
Ужель тебе спать не дает?

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Тебе ли не ведать, что значит – аристократ?
Одновременно быть городом и персонажем.
Толпу иностранцев, гуляющих наугад,
Опять неминуемо вынесло к Эрмитажу.
А там, на Дворцовой, с внучатой своей снохой
Сам император – пододевает свитер.
Где же, Башмачкин, твой воротник глухой?
Где твоя блудная дочь, станционный смотритель?
Вот Николай Васильич глядит на снег,
Скучный курьер торопится на Сенную...
Царская ноша – быть на устах у всех,
Славу приемную вынянчив как родную.

И. Ч.

Я говорю: очнись! говорю: очнись!
Не вспоминай того, что тебя ужалит.
Ты ли не знаешь, чем наполняют жизнь?
Тихой прогулкой, дымкой за гаражами.
В утреннем свете сонно парит окно...
Я бы тебе хотела сказать иначе:
То, что тебя так мучило и рвало,
Все же не значит больше, чем это значит.

Сменяется тепло на холода.
Ты будешь счастлив – значит, не заметишь,
Как стекленеет в лужицах вода
И рощу разоряет зимний ветер.
Вчерашний день выветривая вон
У форточки в счастливой амнезии,
Кури себе... Пусть роща и перрон
Когда-то были нашими – моими.
Люби свой быт, где кухня и кровать,
Храни его с тревогой самозванца.
Мне ничего не жалко забывать.
А вот тебе придется постараться.

У города припрятаны огни
На Новый год – они совсем как лодки,
Качаются на пристани – взгляни
На это из окна своей высотки:
Изгиб шоссе и дальше – магистраль,
И фонари гирляндами над нею.
Уходит год, которого не жаль,
Но я его немного пожалею...
И отчего так любит род людской,
Слезя свои бездонные глазища,
Смотреть на то, что не достать рукой,
Из своего уютного жилища?

Воздух к морозу – хоть кинь невода –
Сладился и загустел.
Как это странно, что ты никогда
Знать обо мне не хотел.
Вспоминанье вчерашнего дня,
Что за влюбленность-вражда?
Странно и то, что все это меня
Так задевало тогда.

Река московского метро.
Сплавляюсь по порогам.
Не провожай, ты все равно
Чудак и недотрога.
Ты по кольцу, а мне за МКАД,
А значит, до конечной.
Нельзя тебе, аристократ,
Свой покидать скворечник!
Мы возим из лесу дрова
На санках в две охапки,
Ведь там Россия, не Москва!
Туда нельзя без шапки!

Н. М.

Помнишь, ты рисовал
Дерево на скале,
Ветра горячий шквал,
Гнущий его к земле,
Веток упорство и
Лиственную копну –
Золото на земле,
Золото на ветру.
Сколько тебе тепла?
Сколько тебе огня?
Все, что не отдала,
Спросят потом с меня.

Ты бываешь собой,
а собой ведь никто не бывает,
Чтоб вот так – постоянно,
легко, одинако со всеми.
Я пишу тебе письма
и в письмах тебя обнимаю...
У тебя за окном голоса
и скрипят карусели,
Зимний парк городской
в целовании первого снега
Смотрит в окна твои,
а из окон глядит на аллею
Книжный шкаф-старичок
и знакомая библиотека.
Я скучаю, родной, но прости –
ни о чем не жалею...

мы остались друг другу должны
походи в должниках походи
незнакомое чувство вины
как ладонь прижимая к груди
ты такой справедливый судья,
но выходит смешной поворот:
очевидно, ты прав, а не я
только что тебе это дает?

У нас не вышло ничего,
И выйти не могло.
Но как же с этим волшебством
Расстаться тяжело!
Забить деревьев торжество –
Стоят, глаза слепя...
А мне, выходит, ничего
Не надо от тебя.

«Мы ленивы и нелюбопытны»
(А. С. Пушкин «Путешествие в Арзрум»,
1829 г.)

Поэт, ты ищешь славы, а она
Тебя пока не знает и не ищет,
Но всё-таки настанут времена:
Читатель посетит твоё жилище.
Черновиками лучшие умы
Займутся и грядущим юбилеем.
Ленивы мы, нелюбопытны мы,
А всё-таки о главном разумеем.
Ты переиздан будешь и воспет,
И награжден, и выпорот публично.
Не требуй сокровенности, поэт!
Земная слава очень нетактична.
Медкарту, переписки, дневники
Поклонники растащат на цитаты.
Хоть женщину свою побереги –
Она ещё ни в чём не виновата.

бесконечная сказочка белый бычок
будет рыбка – найдется на рыбку крючок
будет мышка – найдется и ей западня
то же самое можно сказать про меня
ты не так уж умен и не так уж хорош
ты одни неприятности мне принесешь
только, видимо, в этом и есть интерес
а иначе зачем я пишу смс
ты не все еще предал не все еще сжег –
вот любимые грабли засыпал снежок
а по-твоему это позор небольшой
восвояси идти с разоренной душой?

очнувшись от измены ножевой
и жара пробежавшего по коже
найдешь себя на дне полуживой
сама себя поднимешь – ну а кто же?
и сплюнешь кровь – в висках задрезжит
но дышится и слышится, а значит
я отлежусь и дальше буду жить
как дальше жить тебе – твоя задача

Снежок – то лебединый пух, то манная крупа –
Летит и улаживает слух фонарного столпа.
Преображенная вода всего лишь, а смотри:
Преображается и то, что у меня внутри.
Вот свет пролился из квартир, прохожих осень...
Господь, Баюкающий мир, Ты любишь ли меня?

Ничего не боится малое стадо,
Чем беззащитнее – тем бесстрашной,
По горам отвесным, под камнепадом,
Позади оставляя ночлег вчерашний,
Друг за другом агнцы идут послушно
За своим Пастухом, по сыпучим тропам –
Тот, кто в руци Господни вверяет душу,
Ни огня не пугается, ни потопа.
И земного жилища уже не надо,
Будет легкое бремя дано в дорогу.
Он сказал: не бойся, малое стадо!
У Отца Моего обителей много!

Соглашайся на ливневый снег –
Я его без тебя не осилю,
Иностранец, смешной человек!
Приезжай на Крещение в Россию.
Ты свободен и широкоплеч –
Но крепка и российская вьюга,
А тепла не сумеешь сберечь,
Если с детства морозом не пуган.
Не Москва ли за мною встает?
Ты бы выбрал страну покороче...
Ведь холодное сердце мое,
Как Урал, проверяет на прочность,
Как Сибирь – на терпенье в пути,
Как Москва – на упрямство святое.
И с одними мы будем цвести,
А с другими – стоять сухостоем.
Только холод с теплом обручен,
Как заметили гении прозы,
И бывает потом горячо
Тем, кто выдержит наши морозы.

ПАМЯТЬ

Память как бочка с водой,
Полная тяжелой истомой.
Не отражаюсь святой
Я в этой глади знакомой.

Так для чего же смотрю
До глубины и до края?
Глупость и ревность свою,
Мучаясь, припоминаю.

Нет оправдания мне,
Времени трата пустая.
...Но, укрываясь на дне,
Рыбка живет золотая.

МОЛИТВА

Господи, мягкую мглу
Ты наполняешь свеченьем.
Я ожидаю в миру –
И наступает Сочельник.
Боже, в ладони Твоей
Нас уместит и согрей!
Нас, одиноких и глупых,
Жизнью игравших своей.
Сколько мы сделали зла,
Сколько терпели ответно.
Но оказалось, и мгла
Может наполниться светом.
Божия Мать несёт
В ясли свое покрывало.
Пусть уврачуется всё,
Что тебя так надрывало.

У меня к тебе нежность. Она тяжела,
Хоть легко уместилась на эту страницу,
И не ранила сердца, и не обожгла,
Но заставила все же его подчиниться.
Посмотри, как заснежена наша земля,
И какие мечты ей сегодня приснятся!
Ты однажды веревки совьешь из меня,
А я даже не вздумаю сопротивляться...

Бездействуя, смотрю себе в окно.
Как странно это все, как непонятно.
Вот человек нарушил полотно
Метели, вот идет себе обратно...
Бросай свои словечки-конфетти,
Я не играю, больше не играю!
Мне совершенно некуда идти,
Но я иду – по ниточке, по краю.

Ты привыкнешь ко мне. Ты ещё не привык.
А пока мы не будем ругаться.
Своенравное сердце и острый язык –
Вот и всё моё горе-богатство.
Так чего ж паутинкою голос дрожит,
На запястьи пульсирует вена?
Почему меня тянет к тебе? Положи
Мою руку себе на колено.

Я не выдерживаю схватки –
Не та, наверное, броня.
С тебя, конечно, взятки гладки,
Конечно, спросится с меня.

Февраль и пуст и хладнокровен,
Спокойно спит, не видя сны.
И ты, конечно, не виновен,
И я, конечно, у стены.

Но, в общем, так себе потеря.
Иду одна сквозь мокрый снег.
Тебя простят, тебе поверят,
Ведь ты – хороший человек.

А. Ю.

Бывают на море такие уютные гроты,
Где спящие воды,
 и слажены камни как соты,
И воздух соленый насквозь
 тишина пропитает.
Но мне не хватает, чего-то
 и здесь не хватает,
Как будто обмануто сердце,
 и сердце тоскует...
Но ты засмеешься –
 и словно свечу золотую
Внесли в этот грот
 (или нотка дрожит на фарфоре?) –
И все замерцало –
 и камни, и воздух, и море.

Смотри, как натянута водная гладь,
А в ней отразилось пространство.
Друзья – для того, чтоб однажды предать,
Любимые – чтобы расстаться.
Напейся же этой холодной воды,
Чтоб зубы сводило от боли,
И будь благодарен тому за труды,
Кто просто остался с тобою.

И. Ч.

Сколько вам, слезы, в глазах не стоять,
Все же прольетесь однажды.
Чем оправдался предавший меня,
Это не так уж и важно.
Деревце вырастет на гараже,
Птица напьется из лужи...
Я никому не поверю уже.
Чем это лечится, друже?

как мне высказать близость твою
уместить ее в стихотворение
передать и дыханье и пение
даже блик на котором стою
даже он – все имеет значение
время нас увлекает течением
но не выпусти руку мою

Ты мне кажешься морем,
Городок на краю.
Битый час на балконе
Неподвижно стою.
Что вы, волны, споете,
Чем разгоните мрак?
А в квартире напротив
Поселился моряк.
Курит, моет посуду,
Лодка кружит весло.
А тебя-то откуда
В этот край занесло?
Ты похож на героя,
И тебе, королю,
Город сдастся без боя,
Я – еще посмотрю.

Во дворе поселился фонарь.
С новосельем тебя, с новосельем!
...Что ж, теперь я люблю воскресенья,
И конец января, и февраль.
Что там было с тобой? Ерунда.
Все забудется, все пригодится.
Не пои меня этой водицей,
Не спеши говорить «никогда».
Новый день на минуту застыл.
Подойди – я тихонько поглажу,
Мы отпустим сердечную стражу...
Я уже беззащитна, а ты?

Замедлилось время, замедлилось,
Обиды сломив острей,
И воду черпнувшая мельница
Качнулась, как сердце мое.
Мы раньше касались ладонями,
А встретились – не обнялись.
Выходит, что мы посторонние,
Друг другу сломавшие жизнь.

Сладкое чувство – навстречу идти самой,
Каждой победой победу твою подначивая.
Так я обычно знакомлюсь: стою спиной
И слушаю голос,
И только потом оборачиваюсь.
Ты моя заповедь с первого встречного дня,
Что ей молчанье твоё и любовные подвиги...
Только давай без подножек, ты знаешь, что я
Хожу как ребенок,
Совсем не смотря себе под ноги.

вот – ты идешь, одетый в фонарный свет,
капает талый снег с театральной крыши
я виртуозно владею словечком «нет»
но, вероятно, ты его не услышишь
если игру оценивать по свечам
наша – на миллион, но скажи на милость...
хочешь, я буду спать по твоим ночам
а по своим я, кажется, разучилась

Каждую ночь Москву умывает снег.
Утром театры сменяют свои афиши.
Я говорю, что ты мне дороже всех –
То, что желаешь и не желаешь слышать.
Малый ребенок, только что знаменит,
Даже со мной продолжаешь держать осанку.
Мне бы хотелось просто тебя любить,
Тебе ж меня надо вывернуть наизнанку.

В ладони у меня скребётся майский жук,
И требует всю призреть его бунтарства.
...В тебе ночует боль, а я ее бужу,
Ведь нежность будит боль,
Как верное лекарство.
И я тебе чужда, но всё-таки нужна,
Сперва ты будешь груб,
На грубости смолчу я.
Душа переболит, как горло, как спина,
А боль – она уйдет, когда переночует.

Нежность, с которой не договориться –
Тихое имя в пустом телефоне.
Словно из рук упорхнувшая птица,
Ты возвращаешься в те же ладони.
Двор, где веревка висит бельевая,
В окнах игрушка поет заводная...
– Так не бывает?
Но ты, обнимая,
Мне отвечаешь:
– Бывает, родная!..

Я выхожу под семенящий снег,
А за спиной полжизни и холода.
– Ты необычный, всё-таки, человек:
Двадцать – стихи, и восемьдесят – вода.
Имя твое написано на песке
Там, где земля уходит в отвесный край,
А у меня запястье в твоей руке –
Не отпускай, ты только не отпускай.
Что за глаза такие – живой магнит,
Полнятся солнцем – не пожалей тепла...
Я доломаю всё, что ещё стоит,
И расскажу, как долго тебя ждала.

утренний город – серый и голубой
время течет струйкой воды из крана
я остаюсь наедине с тобой
выпускники танцуют у ресторана
глаз твоих тихих серая глубина
ближе подходишь – кажется голубою
просто начни как раньше: ты мне нужна
а остальное будет само собою

Помнишь, я прикормила собаку и с ней дворами
Мы шатались, с собакой по прозвищу Loveyou.
...Ты всегда приходишь в минуту, когда на грани,
И не важно: в тупик ли, в пекло ли, в западню.
Мой единственный ангел, мой правильный,
осторожный,
Не оставь меня, милый, прошу, не оставь меня.
Ты всегда разжимаешь капканы –
тебе возможно –
И меня и собаку ты выведешь из огня.

Пустая платформа, рассеянный свист,
В вагоне забытый бестселлер.
Мой маленький город стоит как артист,
И снег отсыревший на сцене.
Замри на секунду, мой друг Дон Жуан!
Я жду твои аплодисменты!
В забытую жизнь увезла чемодан
Кругами магнитная лента.
Таксист поправляет свои зеркала,
И мелочь катается в блюде.
...А я ничего тебе не привезла –
Так сильно спешила вернуться.

У летнего дня ничего не проси:
Он сам по себе восхищенье.
А лучше послушай, как трепет осин
Стремится в твоё помещенье.
Здесь школа открыта и в школе ремонт,
И яблоки в красных полосках,
И лапки паучьи раскинувший зонт,
Шагающий вдоль перекрестка.
Здесь мир, всей душой отраженный в пруду,
Душой, позабывшей печали.
И я никуда от тебя не уйду,
Я это тебе обещаю.

Смотри, на Малой Бронной снегопад,
В зелёный шарф укутавшись с плечами,
Поэт из Петербурга на Арбат
Идёт, а мы ещё не повстречались.
Сквозь снежное окно особняка
Нам видно петербургского поэта,
Но все ж – мы две истории пока,
В которых два несвязанных сюжета.
А если ничего не объяснять?
Я вечно начинаю с середины.
Нам родина – как общая тетрадь,
И с этого начать необходимо.
Как прописи открытые – листва,
И вот она шумит, не затихая,
И самые обычные слова
Становятся певучими стихами,

И вот уже близка твоя рука,
Которой ты сожмешь мое запястье,
И станет подмосковная тоска
Предвестницей нежданного счастья.
...Идёт поэт – и прост, и знаменит –
Кругом зонты и согнутые спины,
И тишина московская звенит,
И мы ещё не знаем, что едины.

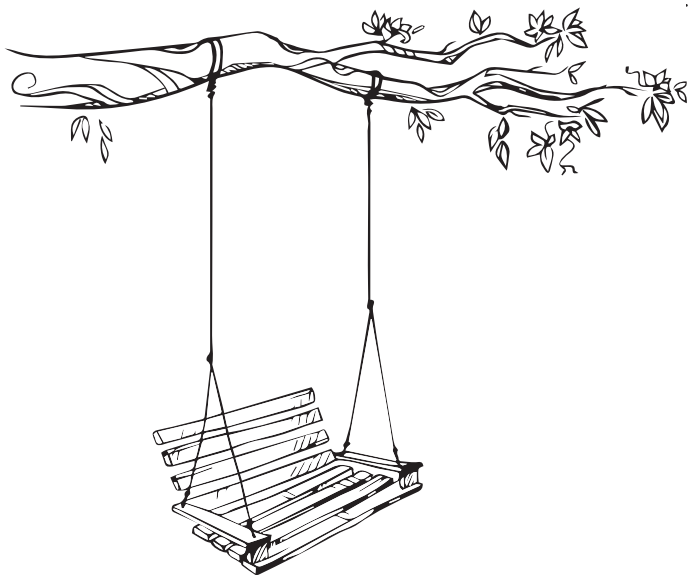
Все помнишь и помнишь
Хрустальные волны,
Холодные волны и зной,
И вечер покорный,
И пламень просторный,
Горящий над тихой водой.
Где маленький город
С дыханьем солёным
Бывал и задумчив, и тих
И к редким проходим
Протягивал кроны
Ухоженных парков своих.
Там мраморный голубь
Крылом приласкает
Смешливых своих голубят...
Но я твою руку навек отпускаю,
Навек отпускаю тебя.

у соседей за стенкой звенит звонок
у меня звенит тишина
я за то чтоб никто не извлек урок
ничего ни с чем не связал
чтоб со строгостью всей не держал ответ
за трагедию прошлых дней
не ошибка нам заслоняет свет
а отчаянье перед ней

Смотри: я умею тебе не звонить,
Ты больше не часть меня.
И прошлое, что не дано изменить,
Отныне моя броня.
Оно не источник обид и зла,
А просто оно – стена:
С одной стороны я тебе жена,
С другой – я тебе не нужна.

Первый снег идет над автобаном,
И под ним спешат преобразиться
Ресторан «Вечерняя Гавана»
И отель «Сияющая Ницца».
Человек, одетый по погоде,
Принимает всё как неизбежность.
Больше ничего не происходит –
Снег идет над нашим побережьем.
Он преображает все на свете,
Он засыплет Ниццу и Гавану –
Вот они, как маленькие дети,
Ежатся под снежным ураганом.
Плещут электричеством фонтаны,
Сумеркам московским угрожая.
Первый снег идет над автобаном –
И опять меня разоружает.

Ты ничего не сделаешь со мной –
Наверно, с этим нужно примириться.
Ты принц и романтический герой,
Нездешняя, диковинная птица.
Ты уникален, может быть, слегка –
Я это не оспариваю даже.
Но ты не успокоишься, пока
Мне это лично как-то не докажешь.

Мои любимые

Рассказы

АКИМЫЧ

В подъезде между вторым и третьим этажом было размашисто нацарапано «Акимыч любит семечки». Острый дверной ключ так глубоко врезался в побелку, что никакие самопальные реставрации и капремонты не спасли соседей от этой важной информации. Акимыч – это мой сосед Андрей Акимов. Он был смешным и косоглазым, ходил в магазин в домашних тапочках и учился на педагога. Его родители развелись – и он начал пить. Мы часто слышали, как он ругался на мать и отчима – пузатого типа с каменным лицом, которого она привезла из Югославии. Это грустная история. Двери хлопали, Акимыч плакал. Он был неглуп, но в компании алкоголиков это не играло никакой роли. Он часто врубал ночью радио и засыпал – и соседи долбили ему в дверь кулаками, потому что всем завтра на работу. Потом он болел, пытался лечиться, но все закончилось как закончилось, тихо. Мать сменила квартиру, а перед этим бросила своего югослава. А надпись про семечки осталась. Он был на три года старше меня

Дневник поэтессы.....

и иногда затаскивал мой тяжеленный велосипед «Десна» на четвертый этаж просто так, по-соседски, пока я рассказывала, какие у меня оценки в четверти. Почему-то это помнится очень четко. И теперь кажется, что это и было самым главным в человеке.

ПРЕДАННОСТЬ

В детстве я часто болела ангиной. Начиналось все с валяния в снегу и катания на льдинах, в результате, мокрые ноги, потом домой без шапки, а еще и наперегонки с подружками – и вот вторую неделю высокая температура и скучный потолок. Но однажды случился круп – прямо в детском саду. Мне там ужасно не нравилось – игрушки казались примитивными, дети оголтелыми, воспитательницы надменными. И главное – ни одной спокойной минуты, чтобы постоять-подумать. Круп – это отек горла. С температурой 39 меня забрали из сада только вечером – и сразу в больницу. Я помню, как папа нес меня на руках, а я обнимала его за шею и смотрела, как вдоль дороги плывут деревья и прохожие. В больнице было гораздо лучше, чем в саду. Правда, взрослых в палату не пускали, и я скучала. Но папа приходил каждый вечер и стоял под окном, просто смотрел на меня и всё. А я всегда чувствовала, когда он придет – и тоже стояла у окна, на первом этаже. Через неделю меня выписали, и мудрый врач посовето-

вал родителям больше никогда не водить меня в сад и объяснил это как-то по-научному. На этом ранние мучения общественной жизни для меня закончились. Но я хотела совсем не об этом. Все дети болеют, потом закаляются холодной водой и взрослой жизнью. Я вот про что. Когда у меня бывал грипп или ангина, и становилось совсем плохо – папа садился рядом с моей кроватью и сидел, пока я спала. Это была ночь или день, не важно. Я знала, что открою глаза – и увижу его рядом. Я говорила, чтобы он шел спать, а он отвечал, что да, сейчас пойдет – и не двигался. Только когда болезнь отпускала – он шел отдыхать. Он воспитывает меня всю жизнь, говорит разные важные слова (это папа умеет), но самое главное он показал мне тогда, это называется преданность.

КОФЕМАШИНА

У меня есть друг. Назовем его условно Пашей. Очень его люблю за ум и красоту. Шучу. За вкус к литературе. Это предисловие к тому, что сейчас последует небольшая любовная история из его жизни. А в конце мораль. Однажды Паша познакомился с первокурсницей Катей. Она произвела на него приятное впечатление тем, что выиграла городскую олимпиаду по математике. Паша любит умных мамзелей. Она носила 40 размер, танцевала бальные танцы и, как только выдавалась свободная минутка, любовно драла расческой копну рыжеватых волос. Говорила Катя мало, особенно со мной, ела только суши и хотела стать бухгалтером. Так Паше показалось, что он встретил идеал. Не успела я задать своему другу уточняющие метафизические вопросы, как из окошка скайпа на меня смотрели уже две физиономии вместо одной – Катя переехала к нему.

Паша вырос бесребреником и послушным идеалистом и не знал, что некоторым девушкам нравятся дорогие подарки, особенно будущим

бухгалтерам. Сначала Катя захотела джинсы, потом кофемашину и – почти сразу же – в отпуск. Паша чувствовал себя мужчиной и не возражал. Кофемашина была куплена не простая, а золотая, профессиональная. Теперь Катя могла в любое время сидеть на подоконнике съемной Пашиной квартиры, красиво свесив ногу, любоваться проспектом Вернадского и пить латте-маккиато. Потом они плавали на матрасе в Турции. Потом были где-то еще. Вскоре Паша с неудовольствием заметил, что его жидкие накопления медленно, но верно утекли в Смоленский пассаж, МедиаМаркет и Средиземное море. И за интернет в этом месяце платить нечем. Катя вела себя так, словно ее ничего не смущало, от нее веяло уверенностью в завтрашнем дне и свежим кенийским кофе. Паша завел разговор на понятном ей языке – говорил, что есть семейный бюджет, дебет – кредит, вся петрушка. На это Катя опрометчиво ответила, что она не в восторге от неприбыльной преподавательской работы будущего спутника жизни, а уж от научной – тем паче. «Пошел бы, что ли, в банк», – посоветовала она по-доброму. Сама Катя трудиться в ближайшие 5 лет не собиралась –

экономический сектор, считала она, справляется пока что без нее. А вот когда закончит вуз – тогда и осчастливит весь российский бизнес по самое не могу. Паша этих слов уже не слышал – он находился в немом возмущении оттого, что Катя презирает род его занятий. Ну, согласитесь, обидно за науку... Слово за слово – он попросил даму убираться восвояси. Катя вспылила и убежала в общагу, крикнув с лестничной клетки, что за вещами зайдет завтра.

Паша уже собирался приписать ей благородство и даже попросить прощения, если б на следующий день Катя не явилась с новым ухажером, выполнявшим функцию грузчика. Пока Паша удивлялся замашкам уволенной бухгалтерши, она затащила в лифт кофемашину. На немой вопрос в его глазах взвизгнула: «Это мой подарок!» Двери лифта сомкнулись – друг очнулся. В скайпе появилась одинокая расстроенная физиономия. У меня не было слов утешения, кроме тех, что однажды у меня при похожих обстоятельствах украли велосипед. Пашу они почему-то устроили.

– А еще – хорошо, что у тебя нет квартиры, – добавила я, – отделаться кофемашинкой куда проще.

Дневник поэтессы.....

Это тоже не вызвало возражений и дало почву для раздумий. Так у Паши появился повод посидеть на подоконнике и поглазеть на проспект Вернадского. А потом он ушел в Центральный Дом Литератора слушать поэзию.

ПАСПОРТ

Случилось мне однажды вечером возвращаться домой на 335 автобусе. Как говорится: кто ездил – тот знает. Публика на нем перемещается резвая и исключительно уверенная в будущем. С другим настроением в 80 километрах от центра не проживешь. Дорога до конечного пункта занимает в лучшем случае 2 часа – за это время народец успевает поужинать на коленках, обсудить политику правительства и личную жизнь своих недоброжелателей. Потом все дружно ложатся спать – и просыпаются только на родной остановке от воплей нетерпеливого водителя. В общем, если ты не живешь на конечной – езжай, но осторожней. А лучше подожди свой городской автобус и не пудри людям мозги, не блефуй.

Вечер выдался пятничный – и в автобус полез молодой подвыпивший мачо. По законам транспортной компании, ему нужно было сначала расплатиться с водителем, а потом уже занимать свободное место. Мачо этот порядок показался оскорбительным, и он вспылil. Оказавшись на-

против угрюмого водителя, он тоже изменился в лице. Не найдя слова, он просто неуклюже развернулся и звезданул водителя по лицу. От неожиданности водитель подскочил и несколько секунд оторопело смотрел на пассажиров, которые даже перестали есть. Кто-то откомментировал: «Ой ёёё!!» И началась драка. Мачо несколько раз вылетал из автобуса, но всякий раз проникал обратно, водитель пыхтел, отбивался и уже терял силы. В этот тревожный момент ему на помощь подоспел пассажир с рыжей бородкой, так коротко остриженной, что она напоминала щетину. Вдвоем они одолели молодого и пьяного, под финальные аккорды ругани он выпал из двери и разбил нос. Из нагрудного кармана мачо выскочил паспорт. Рыжебородый очень старался – и тоже утерял свой документ. Видимо, среди этой публики принято именно так хранить паспорта – в кармане рубашки без пуговицы.

Теперь мачо лежал на остывающем летнем асфальте и возмущался событиями этого вечера. Рыжебородый поднял паспорта и хотел вернуть владельцу его документ, но тот отогнал его ногой. Увернувшись, пассажир схватил один из паспор-

тов и впрыгнул в отъезжающий автобус. Тем временем, среди пассажирок нашлась одна крупная дама, которая утверждала, что мачо зовут Пашей и что он «хороший мальчик», а его обидчики драчливые хулиганы. Только не так интеллигентно.

Прошло минут десять, напряжение стало спадать, атмосфера развеялась и растревоженные обстоятельствами люди выдохнули. Но не тут-то было! В конце автобуса раздался крик рыжеборода – он чего-то заподозрил и заглянул в паспорт, а паспорт-то принадлежит некоему Павлу с конечной остановки. Это автоматически означало, что рыжебородовский документ находится у оскорбленного мачо, который, даже протрезвев, не забудет нанесенных обид. Над рыжебородом нависла неизбежность новой встречи. Уж точно не приятной. Он с надеждой глянул на крупную женщину, но сочувствия в ответном зоре не нашел. Так и исчез в конце автобуса на задних сиденьях, тяжело вздыхая.

Чем это все кончилось, я не знаю.

ИЗ ДЕТСТВА

Симпатичная история моего социального отщепенства началась в детстве, когда я, ярко продемонстрировав неприятие любого коллективного времяпровождения, угодила в больницу с крупозной ангиной. Родители испугались моего жуткого демарша и, вылечив, отдали на поруки бабушке. Ненавистный детский сад остался в прошлом. Нужно человеку одиночество – пусть будет. Бабушка с утра до вечера занималась огородом и предоставила мне все возможные демократические свободы. И тогда – о, какая прекрасная жизнь у меня началась!

Я могла с утра до вечера шататься по деревенским окрестностям, самостоятельно решая, где мне сегодня будут рады. Мир сразу расширил свои границы – он оказался дружелюбным, лиственным, дождливым, солнечным, цветущим. Наша пятиэтажка располагалась аккурат по центру этого мира, окруженная сосновой рощей, березовыми перелесками и полосой огородов. В доме жили ласковые соседи-пенсионеры, которые

звали к себе в гости, угощали конфетами, рассказывали про своих детей и внуков, показывали фотографии. Свободная детская память вместила все имена. Еще во дворе кормилось много пестрых кошек и собак – пристроенных и беспризорных, которые легко приняли меня в свою компанию. Собаки вообще часто шатались со мной по роще, то ли подчиняясь врожденному инстинкту и охраняя меня, то ли просто от нечего делать обнюхивали бесхозные деревья.

В общем, мне досталось неслыханное богатство! Что за мир! Как сладко здесь пахло жасмином и сиренью, как густо цвели заросли шиповника и акации, как жарко было на улице, как прохладно на лестнице в подъезде! Какие вкусно пахнущие газеты рассовывала почтальонша тетя Аня в наползающей на глаза косынке по «дырявым» почтовым ящикам! В роще бил ледяной родник – я пила из него крупными глотками, и от холода сводило зубы – но ангина и не думала возвращаться. К чему я это пишу... Не было бы этого длительного детского одиночества – этой простой и необходимой творческому человеку свободы и ощущения огромности и дружелюбности мира – не было бы и стихов.

Социальное отщепенство, впрочем, дорого обошлось мне в школе – да и вообще во всех «нетворческих» коллективах. Среди своих я оказалась только в институте. Это был неожиданный подарок – встретить людей с такими же «настройками», как у тебя. За время одиночества уже как-то привыкаешь к своей неуклюжей исключительности и перестаешь искать друзей с похожими интересами. Это не значит, что друзей нет – они очень даже есть, и хорошие! Но, но, но... Это как если бы ребенок одной расы оказался на другом континенте, в другой стране, в чужом племени – и даже внешний вид его был бы странен и непонятен местным аборигенам. А потом, предположим, он стал моряком, поплыл на торговом судне в чужие страны, и случилось кораблекрушение. Человека выбросило на незнакомый берег – и вот он приходит в себя, открывает глаза – и видит: над ним склоняются совсем другие люди! И у них такой же разрез глаз, как у него, похожий овал лица, и волосы, и мимика... Неужели – свои?!

...Моя зарисовка – это слова благодарности всем пишущим, всем творческим, всем гуманитариям. Спасибо, что вы есть! И пусть мы не вписы-

ваемся в графики, схемы и системы, не встаем в 6 утра, выбиваемся из коллектива, не умеем конфликтовать, не переживая, и просто отстаивать свои права. Не умеем тратить, экономить, рассчитывать. И пусть мы социальные отщепенцы, пока не встретили друг друга. А мы встретим. И я вас люблю.

КУЧА УГЛЯ

По-моему, родина начинается с бесхозной кучи угля у деревенской котельной. Как раз за бабушкиным огородом, узким, но таким длинным, что идешь по нему, идешь и успеваешь соскучиться и заблудиться. По краям огород засажен малиной – и вкусно, и от чужих глаз. В середине парники. Один высоченный, влажный, внутри по пленке текут тонкие струйки воды, а по бокам прилипли желтые цветочки. Дышать в нем тяжело, но ароматно, а что снаружи происходит – почти не видеть. Листья у огурцов изумрудные, резные и колючие, а еще они такие широкие, что огурцам не составляет никакого труда в них закутаться и припрятаться. От потолка и до самого низу дедушка натянул крепкие веревочки – вот по ним огурцы и вьются. Есть еще три маленьких парника – с помидорками «бычье сердце». Помидоры вкусные и пахнут арбузом, а название плаксивое – и бычка жалко, и непонятно, причем тут его сердце. Ну, потом еще пузатый крыжовник, кислая смородина, усатая клубника, любимая бабочками капуста, щавель

на суп, зелень – много всего. Заканчивался огород высоким частоколом и калиткой в поле. В поле выл ветер, и идти туда не хотелось. А еще там вечно мокли пласты глины, развезенные грузовиком.

Ну, так мы о куче угля. Чего она там громоздилась – никто не знает. Вероятно, раньше углем топили деревенскую котельную. Дальше моя логическая цепочка путается и рвется – за неимением представлений об этом сложном технологическом процессе. Весной и летом на этой угольной куче росли цветочки, преимущественно желтенькие. Малюсенькие солнышки мать-и-мачехи, высокие топинамбуры (гибрид ромашки и подсолнуха), круглые шапки летних хризантем. Там всегда припекало и было как-то уютно. Можно было сидеть на корточках, смотреть. Слева и справа жмурились первые советские постройки в два этажа. Сначала, конечно, люди здесь жили очень стесненно: ванную переделывали под комнатушку и селили целую семью. Банный день в четверг, вода только холодная, на кухне скромный столик. Потом деревня расстроилась, людям дали квартиры в пятиэтажках. Бытовые трудности в нежном возрасте кажутся несущественными, поэтому я

Дневник поэтессы.....

изо всех сил завидовала оставшимся здесь местным жителям. Все-то у них было! Двор посреди березовой рощи, крепкий, шлифованный домино дворовый столик, были лавки из бревен и даже курятник с птенцами, куда иногда разрешалось зайти! Весной здесь без труда можно было изловить майского жука, посадить в коробок и кормить березовым листочком, а в моем дворе на жука устраивали настоящие вечерние охоты с куртками, и успех сопутствовал только старшим мальчишкам. Или вот опять же – велосипед. Когда тебе 7 лет и ты живешь на четвертом этаже, будешь кататься или нет, зависит исключительно от доброй воли твоих соседей – может, кто поможет и спустит велосипед вниз. А затащит папа, когда придет с работы. Мечта детства – жить на первом этаже, я вот все думала, когда она растворится – ан-нет! До сих пор люблю первые этажи. Выглянул в окно – и ты уже на улице. Кто бы думал, что родина начинается с дедушкиного спичечного коробка, который пахнет его руками, с лимонной бабочки-капустницы, с этой кучи угля, но парадокс – именно так она и начинается.

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Давайте о серьезном. Поговорим о первой любви. Чтобы разговор приобрел конкретность, о моей первой любви. Имени называть не буду. Хотя у него красивое имя. Он жил в частном доме со своим сиреневым садом. Такой крупной сирени не было больше нигде в деревне. Букеты, по причине стеснительности, он оставлял в моем почтовом ящике, а потом весь день не показывался мне на глаза. Однако к вечеру не выдерживал и приходил играть в бадминтон. Что у нас было? Ничего такого, из чего можно было заключить, что мы пара. Если вечером становилось холодно – он отдавал мне свою куртку. Если я не выходила гулять – он тоже шел домой. Пожалуй, только это. Но все в округе, а в особенности наши друзья, считали, что мы «вместе». А вместе мы проводили только каникулы, потому что учились в разных школах. Правда, его дорога из школы и моя пересекались в районе деревенского школьного сада – и мы виделись каждый день после уроков. Коротко здоровались и всё. Сад был просторным!

Кроме яблонь, которые регулярно обворовывались местной шпаной, там росли еще цветы, жасмин, всякие овощи, свекла и картошка. Все это высаживали ученики на уроках биологии или на летней практике. Сад был окружен по периметру высокими кленами и липами. Осенью во время листопада там становилось невыносимо красиво. И эта красота сообщала сердцу одновременно два противоположных чувства – счастья и тоски по счастью.

У нас была веселая дворовая компания, и мы почти никогда не оставались наедине. Наверное, нас это устраивало. Мы и не знали, что можно по-другому. К этой влюбленности, которая занимала все мои мысли, часто примешивалось гнетущее чувство ревности – придуманные соперницы (в каждой школе свои красавицы...), сплетни подружек. Но когда мы виделись – становилось понятно: я для него самая лучшая.

Что это было и почему за все время – почти три года – мы ни разу так и не поговорили серьезно? Не дали имени своим чувствам? Наверное, мы были очень умны, чтобы этого не делать. И еще потому что понимали все без слов, по взгляду, и

потом ни о чем не переспрашивали. Так я однажды поняла, что он начал взрослеть и меняться, я тоже выросла и менялась – и жизнь развела нас по разным уголкам. Щемящее чувство несбывшегося еще долго преследовало меня. А что чувствовал он – я уже перестала понимать. Потом вся дворовая компания рассеялась по разным институтам, и наши встречи прекратились. С тех пор я никогда его не видела. А если увижу – ни за что не узнаю.

МИСТРАЛЬ

На юге случается всё. Случается даже осень. Не всем туристам в это верится, а все-таки увядание касается и южной природы. Такой яркий, ароматный, сумасшедший курортный город вдруг погружается в полудрему, вечером воздух наполняется колодезной прохладой, прогретое за лето море шумно штормит, а сквозь неукротимую зелень оливковых деревьев вдруг пробиваются золотистые листья, которые постепенно скручиваются в сухие трубочки и опадают, устилая целые рощи. В сентябре поток туристов мельчает, дети идут в школу, их родители на работу, а вновь прибывающие группы состоят из небогатых паломников, любопытных пенсионерок и супружеских пар разного возраста, целиком замкнутых на себе. Южную осень сопровождает особая тишина: как будто только что все твои друзья были здесь, рядом, веселились и болтали, а потом неожиданно ушли и оставили тебя одного посреди этой чуткой красоты, внимательно взирающей на тебя, но все же – живущей своей особенной, чуждой нам жиз-

ню... А тебе нечем ответить на этот взгляд. Ты не ждал его, ты теряешься под ним. Ночью распеваются какие-то сладкоголосые птицы. Морские бухты, если посмотреть сверху, по окрасу становятся похожими на черепаший панцирь, благодаря округлым камушкам на дне, просвечивающим сквозь бирюзовую воду.

Осенью сюда часто приходит мистраль. Это особый ветер, местные называют его маэстро. Он означает перемену погоды. Летом мистраль приносит прохладу, осенью – влагу и тепло. Он живет своей жизнью, наполняет собой все окрестности, дворы, закоулки, побережья. Где бы ты ни был – он всегда следует за тобой, обдает лицо соленой теплыней, треплет брюки, срывает шляпу. Он здесь всего на три дня, но в это короткое время он хозяин всего городка, ну – и твоего сердца. Мистраль – это живая стихия, может быть, это даже музыка – поэтому греки говорят о нем «маэстро». Южная осень – это всегда обещание следующего цветения. Пусть даже запах воздуха здесь начинает смутно напоминать запах листопадной рощи в Подмосковье, суровой, беспробудной зимы на юге не будет. Будет тихий сон,

Дневник поэтессы.....

сон-выздоровление, сон-отдых, когда утомившаяся от жары земля восполнит свои силы и отдаст их растениям. В холода, после затяжных дождей, здесь тоже цветут цветы, которые в летнюю жару напоминали безжизненный сухостой. Тихо-тихо движется год к новой весне и новому курортному сезону. Первыми приедут паломники – праздновать греческую Пасху, потом потянутся завсегдатаи, а потом прилетят и новые люди, которые никогда еще не видели черепахового моря, не гуляли в мистраль по побережью. И начнется новая вереница жарких и счастливых дней.

О. Корфу, 2016 год

ОБРАЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ

На поэтическом семинаре обсуждали мои стихи. Сначала высказывались однокурсники, потом мастер – наш преподаватель литературного мастерства, поэт Юрий Кузнецов. Шел второй курс. Обсуждение двигалось живо – я то и дело получала плюшки и пинки от любимых семинарцев. Обсуждение – это же не только обучающий момент, это еще и возможность свести счеты с отличниками. Академические отличники часто уступают поэтически одаренным двоечникам. Этот факт греет всех двоечников, независимо от дарования. Впрочем, пределов никто не переходил. Драк не было. А хамят литераторы высокохудожественно. Однажды мне сказали, что я типичный представитель женской поэзии, воспитанный бардами. В этом месте барды должны были бы развести руками, а потом, рыдая в рукав, признать нежданное отцовство. Но я опять отдалилась от темы. Обсуждение уже подходило к концу, когда кто-то зацепился за мое стихотворение «Он сидел на снегу в пальто распахнутом...» и процитировал строчки:

*Полночь не вечная. В это не верится.
Он, не найдя, все не мог успокоиться
Тонкую ниточку Малой Медведицы
Там, где Большая Медведица кроется.*

Кузнецов сразу нахмурился.

– Это что же это такое? – раздраженно спросил мастер, обводя взглядом аудиторию, – это что же, Малая Медведица – ниточка? А где образность?! Вы что – в звездном небе не видите образа? Или мы будем начинать все сначала? Сколько всего там увидели древние греки, а наши предки, а астрономия, а поэзия! Что – всё вычеркиваем и снова начинаем с ниточки?!

Кузнецов рычал, а я вжалась в кресло. Самое главное, он был прав. Когда начинаешь писать стихи – часто идешь вслепую. Пока твое зрение приобретет остроту, пока ты научишься слышать свое сердце, найдешь свои слова, избавишься от штампов, чему-то научишься – пройдет немало времени. А пока ты блуждаешь взглядом по всему, что тебя окружает, и повторяешь уже где-то читанное и слышанное. Пока у тебя только начатки видения, ростки образного мышления.

Меж тем, мой оппонент, словно муха, потер передние лапки, и начал жадно критиковать дальше. А дальше у стихотворения была только концовка:

*Холодным утром гулять с собакой,
Кутая в шарф побелевшую бороду,
И извиняться на кухне за завтраком:
«Пил для того, чтобы не было холодно».*

– Это все для нее (для меня, то есть) тема неизвестная, – сказал оппонент, тыкая пальцем в мою сторону. – Откуда домашней девочке знать, что такое пьянство, о чем думает пьющий человек и как он себя ведет. За это ей братья не стоило! – так он подытожил свою пламенную речь и сам себе покивал головой.

Кузнецов усмехнулся и посмотрел на меня:

– Ну, и «откуда девочке знать»? – спросил он иронично, впрочем, весьма по-доброму.

Я немного осмелела и сказала правду:

– Мой дедушка так говорил...

Кузнецов опять усмехнулся, сделал паузу:

– Да, бывает... Когда холодно – это очень даже бывает... Это чтобы согреться.

Дневник поэтессы.....

Потом он еще немного помолчал, нашел мою зачетку и поставил в графе «Литературное мастерство»: ЗАЧТЕНО. С тех пор – никаких ниточек! Ни-ни.

ТОЛЬКО СТИХИ И ДВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Я училась в сильной школе с негласным ориентиром на математику и информатику. Стопроцентное поступление во все технические вузы страны. Мехмат МГУ до сих пестрит фамилиями фрязинских олимпиадников – гениев, вундеркиндов и редких интеллектуалов с необычайными способностями. Мои родители – тоже люди точных наук. Отец кандидат. Они искренне не могли понять, как это у них растет такая ленивая и бестолковая дочь!

Когда сосед по парте Егор – левша и оригинал – решал все контрольные в уме за 10 минут, а оставшееся время тратил на мелкое хулиганство, я напрягала весь свой мозг и писала, писала... Дым стоял коромыслом, слезы лились ручьем.

Да дело даже не в напрасных страданиях. Дело в том, что меня интересовало совсем другое – поэзия. В стихах, которые попадались в учебниках, была какая-то притягательная, щемящая правда, было то, без чего становилось неинтересно, невозможно жить. В настоящей поэзии всегда есть

тайна, и она меня сильно волновала. Но трудность состояла в том, что никто этого не понимал. Стихи – это что? Это, главное, со смыслом! Или там, на застолье поздравить именинника, красиво на открытке написать. Это прикладное и необязательное. А про вдохновение мы вообще ничего не слышали, выдумка, наверное. И лучше бы тебе стать экономистом, а стихи будешь в свое удовольствие строчить по вечерам – хобби.

– Но это же предательство?

– Предательство чего?

– Всего. Себя. Поэзии.

Дальше люди пожимали плечами. Они не понимали про предательство. Они понимали про хобби – макраме, мулине, салфетки вязанные...

А потом мы попали к новой учительнице литературы. До сих пор помню, как в класс вошла маленькая хрупкая женщина в шелковой блузке с кленовыми листочками, спокойно оглядела нас теплыми глазами и вызвала меня к доске. Я отвечала урок, она слушала и не перебивала. Я рассказывала про Бунина, про «Антоновские яблоки», потом читала его стихи. И в этот момент что-то серьезно изменилось. По тому, как она меня слу-

шала, я поняла, что мне ничего не показалось – что и для нее, для этой тоненькой, красивой и, наверное, очень умной женщины – литература серьезнее всего на свете, и тайна, и стихи, и поэзия – это все правда. И пусть нас никто не понимает, просто мы другие. И этому нужно посвятить свою жизнь. Потом, спустя несколько месяцев, она именно так мне и сказала.

Своего главного педагога – поэта Юрия Кузнецова – я встретила в Литературном институте имени Горького, где в год моего поступления он набирал себе семинар. Конкурс был огромный – 11 человек на место. Я подала документы и стихи, но после общения с секретарем приемной комиссии надежды почти не осталось. Секретарь, полная, внушительная и дружелюбная женщина с очками на лбу прямо сказала:

– Кузнецов не любит женщин в литературе. И предыдущий курс он разогнал – из 20 человек никто институт не закончил... Попробуйте – но имейте это в виду. Писали бы прозу лучше – там всего 5 человек на место. Или пьесы... нет у вас пьес?

– Нет... Только стихи.

В начале июня пришел вызов на экзамены. Это означало, что Кузнецов дал добро – я прошла творческий конкурс. Может быть, это был самый счастливый день в моей жизни. На конкурсном этюде он знакомился с нами, вызывая по фамилиям – мы вставали и проводили несколько мгновений под его пристальным взглядом. Очередь дошла до меня – я встала. Он бросил на меня короткий взгляд и ухмыльнулся:

– Девица? Ой, а я-то думал, парень. Фамилия мужская.

Выходит, знай он, что я девица – не принял бы. До меня дошло, что я рано обрадовалась.

Кузнецов не хвалил меня никогда. Все, что я писала, называл литературщиной и эпигонством. Говорил, что я необразованная, неграмотная. Не давал мне возможности получить благодарность в личное дело, и как следствие – повышенную стипендию, потому что считал, что я не стараюсь. Он мог швырнуть в лицо подборку со стихами и назвать нас лентяями и графоманами. При всём при этом – не отчислял. Я непрерывно читала литературу – начиная с «Изборника» и заканчивая дневниками Ван Гога, моталась по музеям и

книжным выставкам, до ночи занималась, приносила ему новые стихи – всё ему было не так. Я злилась. А он ездил по нервам своим прямым и бескомпромиссным характером, и не было другого варианта, как только доказывать ему каждый день, что мы не зря здесь находимся...

К диплому я совсем выбилась из сил. Намечалась очередная творческая аттестация – и мне казалось, что пройти ее будет невозможно. Перед семинаром я пришла пораньше и стала ждать – Кузнецов тоже приезжал на занятия заблаговременно – будет возможность поговорить.

Когда он вошел в аудиторию и увидел мое кислое лицо, опять усмехнулся: «Вы что же – боитесь?» Я боялась, но сказала, что не очень, а потом спросила: «Скажите, вы меня отчислите?» Он выдержал чеховскую паузу, потом закурил и бросил: «Нет, с чего бы... Я от вас добился, чего хотел». Я была в шоке. Кузнецов взял мою подборку и стал листать – пока листал, рассказывал, какие стихи у меня уже есть и над какими надо работать, где есть удачи на уровне строк, говорил о кротости, о чувстве тепла и холода, о влиянии Есенина, о внутреннем спокойствии. И в конце добавил, что

Дневник поэтессы.....

хвалить – только портить. И если б он не ругал, не было бы стимула, горячности и силы...

Когда шок прошел, стало понятно, какое полезное дело он для нас сделал – кроме образования мы приобрели иммунитет ко всякой бесполезной критике и повышенную устойчивость к различным литературным бедствиям вроде современного пост-пост-пост-модернизма.

В СИДНЕЙ

У меня был друг, с которым мы хотели уехать в Австралию, в Сидней. Вот такая нас томила одинаково сильная страсть к перемене мест. Желание все начинать сначала там, где тебя пока никто не знает. И значит, ты можешь быть кем угодно. Намерения наши отличались серьезностью – мы даже писали письма в консульство, заполняли анкеты. Все казалось таким возможным, любая точка мира – достигаемой. Мне нравились перехватывающие дыхание фотографии Сиднейской оперы, вода в огнях – вечерних, многообещающих, искры радости на лицах прохожих. Ему, наверное, тоже это нравилось. В итоге, понятное дело, в Сидней мы не уехали. Каждый нашел работу и дело по душе. Мы писали об этом стихи – о том, что есть Австралия и есть ежедневная жизнь. Было почти не обидно. Особенно когда влюбляешься, а тебя любят в ответ. У него оказался на удивление хороший вкус к литературе, наверное, потому что он много читал, и врожденное чувство поэтического. Знаете, такое, чему не научишь – оно или дано, или ты графоман. Мы вместе ездили на фе-

Дневник поэтессы.....

стивали, где с удовольствием разделяли простодушные посиделки у костра. Потом он стал пропадать – появилась новая компания. Однажды из его кармана выпал нож. Он быстро подобрал его и в спешке закинул обратно. А потом друг погиб. Трагически. Остались стихи и газовый баллончик, который он мне подарил для безопасного возвращения домой по вечерам, с электрички. А еще остался Сидней, уже в чьих-то чужих мечтах олицетворяющий все ту же страсть к путешествиям.

Содержание

«Говорить легко о сокровенном».....	5
<i>По закону счастья (стихи)</i>	9
<i>Данила-мастер</i>	11
<i>Всю ночь продолжается буря</i>	12
<i>Теплое детство, все ярче твои</i>	14
<i>Когда животное страдает</i>	15
<i>Я устану думать о тебе</i>	16
<i>Любовь и дружба</i>	17
<i>После праздника</i>	18
<i>Городу Фрязино</i>	19
<i>Белую розу вдеваю в петлицу</i>	20
<i>Имя твое не оставлю в веках</i>	21
<i>Памяти цветные витражи</i>	22
<i>Ты пахнешь, как солнце в апреле</i>	23
<i>Санкт-Петербург</i>	24
<i>Я говорю: огнись!</i>	25
<i>Сменяется тепло на холода</i>	26
<i>У города припрятаны огни</i>	27
<i>Воздух к морозу - хоть кинь невода</i>	28
<i>Река московского метро</i>	29
<i>Помнишь, ты рисовал</i>	30
<i>Ты бываешь собой</i>	31
<i>Мы остались друг другу должны</i>	32

<i>У нас не вышло ничего.....</i>	<i>33</i>
<i>Поэт, ты ищешь славы.....</i>	<i>34</i>
<i>Бесконечная сказочка белый бычок.....</i>	<i>35</i>
<i>Отгнувшись от измены ножевой.....</i>	<i>36</i>
<i>Снежок - то лебединый пух, то манная крупа.....</i>	<i>37</i>
<i>Ничего не боится малое стадо.....</i>	<i>38</i>
<i>Соглашайся на ливневый снег.....</i>	<i>39</i>
<i>Память.....</i>	<i>40</i>
<i>Молитва.....</i>	<i>41</i>
<i>У меня к тебе нежность.....</i>	<i>42</i>
<i>Бездействуя, смотрю к себе в окно.....</i>	<i>43</i>
<i>Ты привыкнешь ко мне.....</i>	<i>44</i>
<i>Я не выдерживаю схватки.....</i>	<i>45</i>
<i>Я придумаю имя тебе.....</i>	<i>46</i>
<i>Бывают на море такие уютные гроты.....</i>	<i>47</i>
<i>Смотри, как натянута водная гладь.....</i>	<i>48</i>
<i>Сколько вам, слезы, в глазах не стоять.....</i>	<i>49</i>
<i>Как мне высказать близость твою.....</i>	<i>50</i>
<i>Ты мне кажешься морем.....</i>	<i>51</i>
<i>Во дворе поселился фонарь.....</i>	<i>52</i>
<i>Замедлилось время.....</i>	<i>53</i>
<i>Сладкое чувство - навстречу идти самой.....</i>	<i>54</i>
<i>Вот - ты идешь, одетый в фонарный свет.....</i>	<i>55</i>
<i>Каждую ночь Москву умывает снег.....</i>	<i>56</i>
<i>В ладони у меня скребется майский жук.....</i>	<i>57</i>
<i>Нежность, с которой не договориться.....</i>	<i>58</i>
<i>Я выхожу под семенящий снег.....</i>	<i>59</i>

<i>Утренний город - серый и голубой.....</i>	<i>60</i>
<i>Томнишь, я прикормила собаку.....</i>	<i>61</i>
<i>Пустая платформа, рассеянный свист.....</i>	<i>62</i>
<i>У летнего дня ничего не проси.....</i>	<i>63</i>
<i>Смотри, на Малой Бронной снегопад.....</i>	<i>64</i>
<i>Осень поит вином.....</i>	<i>66</i>
<i>Все помнишь и помнишь.....</i>	<i>67</i>
<i>У соседей за стенкой звенит звонок.....</i>	<i>68</i>
<i>Смотри: я умею тебе не звонить.....</i>	<i>69</i>
<i>Первый снег идет над автобаном.....</i>	<i>70</i>
<i>Ты ничего не сделаешь со мной.....</i>	<i>71</i>

Мои любимые (рассказы).....73

<i>Акимья.....</i>	<i>75</i>
<i>Преданность.....</i>	<i>77</i>
<i>Кофемашина.....</i>	<i>79</i>
<i>Паспорт.....</i>	<i>83</i>
<i>Из детства.....</i>	<i>86</i>
<i>Куда угля.....</i>	<i>90</i>
<i>О первой любви.....</i>	<i>93</i>
<i>Мистраль.....</i>	<i>96</i>
<i>Образноемышление.....</i>	<i>99</i>
<i>Только стихи и два преподавателя.....</i>	<i>103</i>
<i>В Сидней.....</i>	<i>109</i>

Оксана Шевченко

Дневник поэтессы

Стихотворения, рассказы

Книга выходит в авторской редакции.

Художник Иван Чуркин,
верстка и дизайн – Александр Иванов.

Подписано в печать 21.07.21. Формат 120x165 мм.
Заказ № 21096. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
ООО «Филигрань»,
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 91,
pechataet@bk.ru

